

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тридцатью одним днем раньше

Элоди Фрей

Опять он. Уверена, этот мужик меня преследует. В понедельник поздно вечером он торчал возле библиотеки, затем вчерашним утром появился в парке напротив моего дома и вот уже в четвертый раз на неделе заходит в «Кружку».

— Элоди, блин! — одергивает меня Ханна.

Я опускаю взгляд и обнаруживаю, что перелила молока и теперь на деревянной стойке лужа.

— Черт, — отставив пакет в сторону, я хватаю полотенце, чтобы вытереть столешницу. А параллельно рассматриваю незнакомца, которому тут как будто медом намазано. Всякий раз, когда мы пересекаемся на улице, я лишь украдкой кошусь на него, а затем крепче прижимаю к себе сумку и ускоряю шаг. Но сейчас, когда я надежно защищена стойкой и очередью посетителей, можно не торопиться. Это крепкий, солидный мужчина лет сорока, темноволосый, коротко стриженный, в круглых очках с черной оправой. Такие очки наводят на мысль о серийных убийцах: так и представляется, как их хозяин стоит над женским трупом и спокойно протирает линзы, забрызганные кровью.

Незнакомец таращится на доски над стойкой, изучая меню, — делает вид, что раздумывает над заказом, хотя всякий раз берет одно и то же. На этой неделе Ханна уже четыре раза готовила для него кофе без молока и сахара, а сегодня только среда.

Он определенно какой-то... не такой. Будто неживой. Не приносит с собой ни газеты, ни книги, не пролистывает сообщения на телефоне, как большинство тех, кто приходит сюда один; чаще всего он садится за столик в углу, откуда отлично просматривается вся кофейня, и пялится. На меня в основном. Обычно чужой взгляд ощущается так, словно о кожу тушат две зажженные сигареты, — но у него взгляд ледяной и колкий, будто мне в спину утыкаются два остро заточенных ножа.

Сейчас, когда я подняла глаза, наши взгляды столкнулись — всего на мгновение, но вдоль хребта все равно ползет холодок. Я отворачиваюсь и продолжаю вытирать стойку, хотя на ней уже не осталось ни капли молока.

— Элоди, — торопливо окликает Ханна, — помоги немножко!

Чтобы поставить очередной заказ возле кассы, требуется всего пара минут, но Ханна вздыхает так, словно я нарочно стараюсь двигаться как можно медленнее.

Я снова поднимаю взгляд: незнакомец по-прежнему таращится на меня, словно хочет сожрать. Может, это просто паранойя... а если нет?

Пока Ханна не успела попросить о чем-нибудь еще, я тихонько ухожу в подсобку, прихватив пакет

полужирного молока на тот случай, если напарница меня хватится. На прошлой неделе, когда я упомянула своего предполагаемого преследователя, она отнеслась к моим словам скептически: ага, мол, посетители только затем сюда и ходят, чтобы хоть издали взглянуть на Элоди Фрей, владычицу сердец, потому что мужики к ее ногам так и валяются, точно поверженные короли.

В кладовке висит резкий, горьковатый запах кофе — мне не нравится его вкус, но я просто обожаю аромат. Он напоминает мне о рождественских каникулах в коттедже «Глициния» и об уюте, что царил там на кухне по утрам: каждый день нас ждал горячий кофейник, помогающий согреться после прогулки вдоль ветреной набережной.

Вытащив из кармана фартука телефон, я набираю сообщение для Джека, моего лучшего друга:

15:26 Элоди: Этот жуткий тип опять тут. Меня точно однажды покажут в жутком новостном сюжете и скажут: пропала, а через несколько месяцев со дна озера труп выловили.

Палец замирает над кнопкой «Отправить». Как только Джек получит сообщение, он тут же бросит все дела — чем бы он там ни занимался сейчас — и примчится сюда. Искушение велико, но... если так вдуматься, от незнакомца толком и нет никакого вреда, не считая моих трясущихся коленок. Закон не запрещает стоять возле библиотеки или сидеть в парке на лавочке и уж точно не запрещает обожать кофе. Кроссхэвен — городок маленький; не настолько, чтобы все друг друга знали, но до-

статочно, чтобы частенько встречать одних и тех же людей.

Я удаляю сообщение, но еще пару минут провожу в кладовке, чувствуя, как в ложбинку между ключиц стекает капля пота. На дворе середина июля, и в Сомерсете невероятно жарко — в пору яичницу на асфальте жарить.

Ненадолго закрыв глаза, я представляю, как медленно захожу в Кельтское море, как холодная вода облизывает кожу, и мне снова отчаянно хочется оказаться в «Глицинии». С прошлого визита миновал уже целый год — Джек все собирается еще раз съездить в этот загородный домик, принадлежащий его семье, но все время находятся какие-то другие дела и расходы. После того как я отказалась от карьеры маркетолога ради писательства, денег хватает впритык, а вся та сумма, что мне удалось скопить во время работы в «Эй-си-эйч маркетинг», ушла на аренду и счета.

Электронную почту я проверяла всего десять минут назад — и все равно заглядываю еще раз, мечтая увидеть письмо от Лары, моего агента. В душе ворочается робкая надежда, что, может быть, сегодня, вот именно сегодня я получу сообщение о...

Но папка «Входящие» пуста. Удручающе пуста.

Я жду письма, в котором большими огненными буквами будет сиять «да» от издательства. От одного конкретного редактора: Дарси Уилмот из «Харриерс». Она единственная, кто согласился ознакомиться с моей рукописью, а значит, и мой последний шанс на публикацию. Она уже прислала Ларе несколько писем, всякий раз соловьем

разливаясь о том, как ей нравится моя книга, но о договоре пока даже не заикнулась.

Покрепче сжав пакет молока, я стараюсь сосредоточиться на рабочей рутине. Но стоит выйти из подсобки, как тревога накатывает снова. А что, если тот мужик по-прежнему здесь и все так же таращится на меня через эти свои круглые очки серийного убийцы?

Ханна раздраженно оглядывается через плечо, совершенно не замечая моей паники. Я поднимаю пакет с молоком повыше, как белый флаг, затем ставлю его на верхнюю полку холодильника.

А потом оборачиваюсь и оглядываюсь. Сердце бешено колотится.

Хоть бы его здесь не оказалось!

Обвожу взглядом зал кофейни.

Прошу, заклинаю, пусть его здесь не будет!

Его и правда нет. Облегчение накатывает горячей и теплой волной.

— Если собираешься исчезнуть, хотя бы предупреждай заранее. — В голосе Ханны слышится плохо скрываемая злость. — А то народу сегодня уйма.

Вообще-то нет. В промежутке между обеденным перерывом, когда посетителей и впрямь хватает, и временем закрытия в кофейне всегда наступает странное затишье. Занято всего лишь несколько столиков; за одним сидит пожилой джентльмен по имени Джордж, непременно устраивающийся у окна с кроссвордом, за другим — компания мамочек, которые обмениваются свежими сплетнями за стаканчиком обезжиренного латте, параллельно укачивая на коленях младенцев, а за третьим при-

тулилась студентка колледжа: целиком сосредоточившись на экране ноутбука, она что-то быстро выстукивает на клавиатуре.

— Угу, — откликаюсь я, демонстративно оглядывая практически пустую кофейню, — прямо не протолкнуться.

Колокольчик над дверью звякает. Это Ричард. Вот радость-то. Я тут же нахожу себе занятие — принимаюсь чистить кофемолку. Ричард обходит вокруг стойки и, как и всегда, встает слишком близко — я чувствую запах дешевого лосьона после бритья. Однако он мой босс, поэтому про личное пространство напоминать как-то не с руки. Я поднимаю взгляд:

— Что-то не так, Ричард?

— Вы с Ханной поменяетесь завтра сменами. Выйдешь с утра.

— Но я сегодня до вечера, к тому же я на этой неделе все дни открывала и закрывала кофейню.

— А Ханне надо готовиться к экзамену, — пожимает плечами босс.

Я оглядываюсь на Ханну — та вытряхивает крошки из витрины с маффинами и делает вид, что вообще не слышит нашего разговора.

— Лето на дворе. У нее нет никаких экзаменов.

Ричард лезет в холодильник за лимонадом, и я замечаю мокрые пятна у него под мышками.

— Ну, у нее дела по учебе, поэтому она очень просила.

Не сомневаюсь. По учебе? Во «Флитс» проходит студенческий вечер, и я готова на недельную выручку поспорить, что Ханна попросила поменяться сменами, чтобы отправиться туда и хле-

стать текилу, пока из ушей не польется. Но если Ричард и в курсе, ему наплевать.

— Ладно, — откликаюсь я, потому что спорить бесполезно — разве что начать флиртовать с ним, но одного взгляда на эти ручки пота достаточно, чтобы отбить всякое желание кокетничать.

Компания мамашек уходит, и я принимаюсь вытирать их столик. Господи, на этой работе чувствуешь себя персонажем «Дня сурка» — подал кофе, вытер столик, загрузил посудомойку, и так по кругу. Но если Дарси предложит договор на публикацию, все мои страдания окупятся.

Когда я прохожу мимо, Ричард замечает:

— Ты такая красotka, Элоди. Тебе стоит почаще улыбаться.

Мне отчаянно хочется сказать: «Я и улыбаюсь, просто не тебе». Вместо этого я молча расплываюсь в ответной улыбке — потому что именно так должны вести себя хорошие девочки, если не хотят вылететь с работы.

Следующие полчаса Ричард и Ханна напропалую флиртуют, а затем, едва за боссом закрывается дверь, моя напарница заявляет:

— Я на перерыв.

Дождавшись, пока она уйдет, я вытаскиваю из витрины бискотти и как бы невзначай прохожу мимо столика Джорджа. Старик неспешно потягивает кофе, ломая голову над очередным кроссвордом. До выхода на пенсию Джордж трудился уличным сапожником, а теперь коротает дни за одним и тем же столиком возле окна с карандашом в руке. Я ловким движением подсовываю ему ста-

ценное печенье, и Джордж поднимает влажно блестящие голубые глаза.

— У тебя будут неприятности, — предупреждает он.

— Только если вы кому-нибудь расскажете, — улыбаюсь я.

Джордж — наш самый милый и преданный посетитель, и он всегда оставляет чаевые, хотя ему почти восемьдесят и он давно на пенсии.

— А не подскажешь ли: «Ощущение, что вот-вот произойдет что-то плохое», двенадцать букв?

Я медлю пару секунд, перебирая в уме подходящие слова.

— Предчувствие.

Старик медленно кивает, берет вместо карандаша шариковую ручку и осторожно вписывает буквы трясущейся рукой.

— Смелый вы человек, Джордж, — замечаю я лукаво. — Чернила-то не сотрешь.

Он с улыбкой разворачивает бискотти и разламывает пополам.

— Раз уж мы с тобой сообщники, — говорит он, протягивая мне кусочек, — я тебе полностью доверяю.

Кофейню я закрываю сама. Еще светло, но я все равно стараюсь управиться побыстрее, чтобы успеть на пробежку по парку до того, как стемнеет. Я поворачиваюсь, чтобы уйти, и в этот момент снова чувствую на себе чей-то взгляд. Несмотря на жару, по спине ползет колющий холодок. Я оглядываюсь — и сердце пропускает удар. Это он. В каких-то пятидесяти метрах от меня, все в той же темной куртке и джинсах. А от стекол очков отра-

жается солнце, так что он сейчас и вовсе похож на какую-то нечисть.

Наша кофейня закрывается последней, так что улица пуста. Сердце в груди бешено колотится. А он направляется в мою сторону, и я застываю, будто ноги приросли к тротуару. Преследователь шагает решительно и целеустремленно, и мысль о том, что я сейчас на улице совершенно одна с мужиком в два раза крупнее меня, помогает сдвинуться с места. Я резво направляюсь в другую сторону, радуясь про себя, что успела переобуться в кроссовки перед уходом.

От центра до моего дома — минут пятнадцать пешком. Обычно я срезаю путь через Мемориальный сад, но в этот раз вместо привычной короткой дороги я иду длинной, через жилые улицы. Незнакомец по-прежнему идет за мной. Я чувствую его взгляд.

Впереди, на другой стороне дороги, виднеется группка людей — они не спеша направляются в ту же сторону, что и я. Возможно, если держаться поближе к другим пешеходам, преследователь отстанет. Поэтому я перехожу дорогу и стараюсь затесаться в чужую компанию — а затем, улучив момент, коротко оглядываюсь через плечо. Сработало: он слегка замедлил шаг.

Покопавшись в сумке, я вытаскиваю телефон и ключи от дома. Зажав один из ключей между пальцами, я готовлюсь использовать его как оружие, если понадобится. Второй рукой я крепко держу телефон. Может быть, позвонить кому-нибудь? Например, Джеку. Или в полицию. И что я скажу? Этот человек не причиняет мне вреда.

Не накажут ли меня за ложный вызов? Ладно, не буду никуда звонить. Как только доберусь до дома, хотя бы до двери, все закончится. Все закончится.

Я слегка замедляю шаг, раздумывая, стоит ли приводить преследователя прямо к двери моего дома. С другой стороны, он наверняка уже в курсе, где я живу: несколько раз я замечала его в парке напротив моих окон. Можно резко свернуть и пойти куда-нибудь в людное место, скажем в бар, и попросить Джека встретить меня там. Но как только Джек меня увидит, то сразу поймет, что я не в своей тарелке, и тогда придется либо объясняться, либо лгать. К тому же до дома уже ближе, чем до центра.

Я снова украдкой оглядываюсь — и он по-прежнему идет за мной. Теперь явно быстрее. Не то чтобы бежит, но шагает слишком торопливо для обычной прогулки. Я опрометью бросаюсь через дорогу, не дожидаясь просвета в трафике: стоит мне замешкаться, и преследователь меня догонит. Одна из машин едва успевает повернуть, недовольно сигналив. Сердце колотится, и его стук отдается в ушах. Спотыкаясь о тротуар, я сворачиваю за угол, на свою улицу. Лучше укрыться в доме, чем носиться по улицам. Я взбегаю по каменным ступеням, трясущимися руками открываю дверь и, заскочив внутрь, захлопываю ее и прижимаюсь спиной к створке, чувствуя тепло нагретой на солнце древесины.

Всё. Спасена.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Двадцатью восемью днями раньше

Элоди Фрей

Моя сестра живет в двухэтажном георгианском особняке с каминами, затейливыми карнизами и ставнями, покрытыми полуматовой краской. Красиво, что уж тут говорить. За версту не сест деньгами и статусом. Дом Ады расположен в том самом районе, который мы с ней в детстве обожали. После школы мы частенько бродили по Пич-авеню, наблюдая, как наши ровесницы вылезают из дорогуших машин, одетые в форму частных школ, с зализанными в хвост волосами; как они вальяжно идут по извилистым дорожкам к огромным особнякам, покачивая этими своими хвостами, а следом за ними тянутся родители, кто в жемчугах и бриллиантах, кто с массивными золотыми часами. Ада всякий раз тыкала пальцем в белозубо улыбающихся мужчин в накрахмаленных сорочках и начищенных до блеска ботинках и говорила: «Вот за такого я замуж выйду, когда вырасту». И вышла-таки. С точки зрения моей сестры, внушительный счет в банке — как у Итана, ее мужа-финансиста, — это лубрикант покруче любого «Дюрекса».

Лавируя между множеством машин, припаркованных возле дома, я слышу смех и музыку, а ноз-

дри щекочет запах барбекю, долетающий из-за ограды. На прошлое Адино сборище я ничего не принесла к столу и нарвалась на ехидный комментарий сестры насчет гостевого этикета. Поэтому вчера полночи проторчала на кухне, чтобы приготовить крамбл с сезонными фруктами.

Неловко прижимая к боку стеклянную посудину с десертом, я берусь за латунное кольцо массивного дверного молотка и, постучав, жду, переминаясь с ноги на ногу. Волноваться глупо — я знаю всех, кто сегодня собирается у Ады, — но встречаться с семьей мне тяжело. Родители так и не согласились с моим решением оставить карьеру маркетолога. С их точки зрения, бросать все ради писательской стези безрассудно и безответственно. Они не понимают, что заполучить в свое распоряжение агента, особенно такого мастера своего дела, как Лара, — все равно что приручить единорога.

Парадная дверь распахивается, и меня встречает Итан с бокалом красного в руке.

— Элоди! — радостно восклицает он. — Заходи скорее, заходи и присоединяйся к вечеринке!

Мужа моей сестры обожает вся семья, и, хотя мы с ним ладим, я все равно чувствую себя кошкой, которую всучили заядлому собачнику.

Итан провожает меня к двери, ведущей в сад, и на секунду я останавливаюсь, оглядываясь по сторонам. Моя сестра никогда ничего не делает наполовину. Передо мной возвышаются два шелковых шатра, украшенных флажками и электрогирляндами, на деревьях висят бумажные украшения, легонько покачиваясь на летнем ветру; слева — ряд деревянных столов, где сырные та-

релки и разноцветные миски с салатами теснятся рядом с десертами, а справа шипит и щелкает мясо на гриле. Я несущу свой крамбл мимо красиво расставленных пирожных «Павлова» и бисквитов королевы Виктории, попутно замечая, что изгородь успели перекрасить в темно-синий, а летний домик — в дымчато-розовый. В общем, вечеринка образцово-показательная: красивые и дорогие люди среди красивых и дорогих вещей.

Едва успев взять бокал, я замечаю родителей: они сидят вместе на качелях. В том, как папа с мамой смотрят друг на друга, чувствуется близость, какая возникает между людьми после тридцати пяти лет брака. Папа легонько обнимает маму за плечи, другой рукой держа бутылку с сидром, а мама расслабленно прижалась к нему, потягивая вино. Он что-то шепчет ей, слегка прищуриваясь, и она краснеет и с шутливой укоризной легонько шлепает его по коленке. Лет в тринадцать я бы похихикала над ними, но в свои двадцать восемь уже немного завидую. Я тоже хочу таких отношений — спокойных и крепких. Может, у меня такие и были бы, думаю я, впервые за долгое время вспоминая о Ноа. О том, как его руки бережно раздвигали мне ноги, пока он шептал на ухо слова любви в кровати отеля в Копенгагене, куда неожиданно увез меня на выходные. И о том, как он лежал, такой неподвижный, на больничной койке, весь опутанный трубками капельниц и проводами датчиков, едва дыша из-за боли в сломанных ребрах.

Затолкав воспоминания как можно глубже, я снова оглядываюсь на родителей; мама вся сияет, да и папа тоже, но вовсе не из-за моего появ-

ления. Это Ада вызывает у них такую гордость. Сестрицу окружает компания женщин, которых словно на одном заводе собирали: одни и те же длинные платья с цветочным узором, высокие каблуки и волосы чуть выше плеч, уложенные теми самыми «небрежными» пляжными локонами, на создание которых обычно уходит не меньше часа. Ада запрокидывает голову и смеется. Неизменная королева бала.

Наше с ней родство очевидно для всех, даже мама путается, глядя на наши детские фотографии. У нас одинаковые резкие скулы, крепкие подбородки и длинные ресницы, но у меня губы более пухлые. Однако у Ады глаза серые, а у меня — зеленые, и цвет волос слегка различается: ее оттенок ближе к карамельному, а мой — к медовому. Ада старше меня на четыре года и повыше на треть головы. Правда, аттестат о полном среднем образовании она в свое время так и не получила, да и в университет не пошла, но это не помешало ей удачно выйти замуж и занять роскошный дом, новенькую машину и супруга словно с журнальной обложки. Мне же родители прочили два пути: либо университет, а затем карьера и насыщенная жизнь в центре, либо брак, ипотека и дети. Я пошла по первому пути, но затем отклонилась от него, и теперь родители воспринимали меня как некий сломавшийся механизм, нуждающийся в починке. В то время как способность моей сестры подцепить правильного мужика всячески восхвалялась, все мои достижения ценились не выше поломанных безделушек, найденных на дне мусорного бака. Что ж, если полки магази-

нов украсит книга с моим именем на обложке, возможно, мама с папой начнут смотреть на меня так же, как сейчас смотрят на Аду.

Я беру еще один бокал. В этот момент подходит мама:

— Милая, а я и не заметила, как ты появилась.

Я вымучиваю широкую улыбку, прежде чем обернуться.

— Да я пришла-то всего пару минут назад. Отлично выглядишь, — добавляю я, оглядывая темно-синий пляжный костюм, который мама прошлым летом ухватила на распродаже в «Маркс и Спенсер». К тому же она похудела — всего на несколько фунтов, но, честно говоря, на лишний вес она и так никогда не жаловалась.

— Хожу на горячую йогу вместе с Адой, — улыбается мама.

— Это по тем купонам, которые я тебе на день рождения подарила?

— А, так вот откуда они взялись! — Ее улыбка становится шире. — Веришь, нет, совсем из головы вылетело.

— Вы бы хоть предупредили, что пойдете, — отвечаю я, стараясь не выдать обиду. — Я бы тоже подтянулась.

Мама отхлебывает из бокала.

— Чем старше становишься, тем сложнее удерживать прежний вес. Давным-давно у меня тоже была такая фигура, как у тебя. Я тебе так скажу, Элоди: мужики как вино, с возрастом хорошеют, а женщины в этом смысле как мясо — с годами только портятся. Ладно, пойдем, — добавляет она, — поздороваешься с папой.

Мне пересказывают последние новости, и, когда свежие сплетни заканчиваются, мы просто сидим в уютном молчании. Я допиваю второй бокал мерло, и у меня уже кружится голова. Если Ада знает, что я здесь, но до сих пор не подошла поздороваться, это грубейшее нарушение того «свода правил степфордской жены»¹, которого она так старательно придерживается. Краем глаза я замечаю ее бледно-голубое платье — сестренка фланирует по лужайке, одаривая притворно-любезной улыбкой то одних гостей, то других, — и едва ли не в тысячный раз невольно задумываюсь, как мы умудрились вырасти такими разными и откуда между нами появилась такая холодность.

Мама с восторгом оглядывает сад.

— Красота-то какая, правда, Мартин? Видно, что Ада изо всех сил потрудилась над оформлением. Надо и нам как-нибудь забор перекрасить.

Папа кивает, а я с трудом удерживаюсь, чтобы не закатить глаза, потому что уж Ада-то точно не трудилась над забором. Подловить ее с малярным валиком и банкой краски оттенка «Сапфировый салют» так же маловероятно, как в шерстяных носках и «кроксах».

— Тебе ту лампу на крыльце уже починили? — поворачивается ко мне папа.

Я отрицательно качаю головой.

— Я отправила домовладельцу письмо, но он на любой вопрос отвечает в лучшем случае через неделю.

¹ Отсылка к фильму «Степфордские жены», снятому по роману Айры Левина. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Не трать время, — бурчит папа. — Сказал же, зайду и сам сделаю.

— Спасибо, но я уже говорила: если ты там что-то не то припаяешь и оно сломается, отвечать буду я. И могу потерять депозит.

— Ну да, а под дверями в темноте болтаться зашибись как весело.

Мне тут же представляется, как тот мужик в «очках маньяка» идет за мной вечером до самого дома, тихонько поднимается следом по ступенькам, пользуясь тем, что уличная лампа не работает, и, пока я судорожно шарю по сумке в поисках ключей, жарко сопит над ухом...

— Ты в порядке, лапушка? — спрашивает мама. — Какая-то ты дерганая сегодня.

Я киваю. Про парня, который вроде бы преследует меня, я пока не говорила ни ей, ни папе: не хочу, чтобы они разволновались, особенно у Ады на вечеринке.

— Таких хлопот можно было бы избежать, если бы ты купила жилье, а не снимала, — продолжает мама с интонациями школьной учительницы, распекающей непутевую ученицу. — Только деньги зря тратишь.

Я на секунду прикрываю глаза, гася нахлынувшее раздражение. Подобный разговор происходит стабильно раз в месяц. Мама с папой купили свое первое жилье в 1984 году за 34 тысячи фунтов и все никак не могут понять, что из-за взлетевших цен на рынке жилья и снижения зарплат ипотечные взносы сейчас совершенно неподъемные. Все мои знакомые ровесницы смогли обзавестись собственным домом только благодаря каким-